

**О ХАРАКТЕРЕ РОССИЙСКОЙ «ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ»
И ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ**

Один из ключевых мотивов развертывания радикальных реформ в странах «социалистического лагеря», как известно, заключался в надеждах на сокращение их экономического отставания от ведущих мировых держав. Между тем желанного скачка в развитии не получилось; хуже того, большинство из «транзитивных» стран застряло в фазе преодоления резко обозначившихся с самого начала тенденций примитивизации производства и структурных сдвигов¹. Это относится и к России, где лишь усилилась «структурная перестройка наоборот», и перспективы модернизации отечественной экономики ныне, конечно, сопряжены с ликвидацией ее сырьевой ориентации в международном разделении труда. Необходимость такого структурного маневра теперь можно считать общепризнанной², но продолжается и активизируется обсуждение вопроса о путях его осуществления.

Они, как и пути реализации любых прогрессивных структурных народнохозяйственных сдвигов, справедливо связываются с оптимизацией соотношения госрегулирования экономики и частной инициативы. В дискуссии по данной проблеме по-прежнему громче всех иных звучат голоса сторонников «либерального проекта». Однако источник их творческого вдохновения сегодня — уже не только и не столько «преодоление остатков коммунизма» (ибо «посткоммунистическая трансформация», как они заявляют, завершена³), сколько императив «постиндустриальной модернизации». Речь идет о том, что из-за высокой неопределенности, имманентной постиндустриальной экономическому развитию, рынок и бизнес лучше государства определяют точки потенциального роста и его факторы⁴. Понятно, что если политика государства относительно динамики структуры экономики сводится к поддержке сдвигов, инициируемых частным бизнесом, то априори отвергаются возможности как совместного установления этими сторонами приоритетности в народнохозяйственном развитии, так и распределения между ними рисков долгосрочных капиталоемких проектов, акцентируемые энтузиастами проведения в России активной промышленной политики, развертывания индикативного макропланирования, применения конт-

Виктор Евгеньевич Дементьев, доктор экономических наук, заведующий Лабораторией механизмов финансово-промышленной интеграции Центрального экономико-математического института РАН, профессор кафедры институциональной экономики Государственного университета управления.

¹ См., об этом, например: Гринберг Р. Уроки рыночных преобразований в постсоциалистических странах // Мир перемен. — 2004. — № 1.

² Слова о постепенном уходе от топливно-сырьевой мирохозяйственной специализации страны имеются и в подготовленном Минэкономразвития России проекте «Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005—2008 годы)».

³ «Осуществление базовых рыночных преобразований и завершение посткоммунистической трансформации ставят на повестку дня вопрос о существовании и характере дальнейшего развития России, о стратегических целях экономической политики страны» (Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. — 2002. — № 7. — С. 4).

⁴ Эта идея, четко озвученная, в частности, в докладе Е. Ясина на проведенной в апреле 2004 г. в ГУ—ВШЭ V международной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики», попала и в вышеупомянутый проект правительственной среднесрочной программы, авторы которой, в частности, призывают «не преувеличивать прогностические возможности государства».

рактной системы и других моделей стратегического инвестиционного партнерства государства и крупных корпоративных структур⁵.

Такую позицию, утверждающую в качестве институциональных опор модернизации институты свободной конкуренции, следовало бы поддержать, если бы было неопровержимо доказано, что: 1) наша экономика действительно находится в фазе постиндустриальной модернизации; 2) последняя и в самом деле несовместима с активным вмешательством государства в процессы общественного воспроизводства. Однако соответствующих доказательств не приведено.

В этом смысле показательна вышеупомянутая статья одного из самых активных проводников «либерального проекта», автор которой как раз и утверждает: 1) ключевая задача развития российского общества — «догоняющая *постиндустриализация*», а не «догоняющая индустриализация»; 2) актуальная в индустриальном обществе государственная политика «концентрации ресурсов на прорывных направлениях технического прогресса, мобилизации всех сил и средств» становится «невозможной и неэффективной» в обществе постиндустриальном⁶. При этом различия роли государства в индустриальной и постиндустриальной эпохах связываются с коренным изменением самого характера производительных сил. Конкретнее говоря, рассматриваемые эпохи жестко противопоставляются с точки зрения эффективной концентрации производства: коль скоро в постиндустриальном мире на первый план выходят наука и возможности ее практического применения в экономической и социальной жизни, исчезает возможность «экономии на масштабах», а значит, и созидательный потенциал централизации. В качестве важнейшей характеристики постиндустриальной системы, далее, трактуется усиление неопределенности всех параметров жизнедеятельности общества вследствие, во-первых, резкого увеличения динамизма технологической жизни и сужения временных горизонтов экономического и технологического прогноза, во-вторых, — практически безграничного роста потребностей и резкого расширения возможностей их удовлетворения на основе индивидуализации технологических решений. Противопоставление индустриального и постиндустриального обществ в технико-технологическом плане ведет к утверждению, согласно которому преодоление отставания и выход на передовые экономические рубежи не требуют от России прохождения всех стадий научно-технического прогресса, характерных для истории развитых стран.

Воспроизведенные выкладки явно уязвимы и не дают надежных ориентиров для российской модернизации. Прежде всего нельзя согласиться с диагностикой переживаемого Россией реального этапа эволюции: кроме очевидных печальных обстоятельств уже спровоцированной радикально-либералистскими преобразованиями *дезиндустриализации* производства, «беспрецедентного разрушения вещественного и личностного факторов производительных сил»⁷, игнорируются роль *позднеиндустриальной модернизации*, нерешенность и актуальность ее задач для нашей страны.

В технологическом отношении позднеиндустриальной модернизации соответствует переход к массовому выпуску стандартной продукции, главным образом технически слож-

⁵ Странники системной реализации этих возможностей как основы проведения реформационного курса, альтернативного либералистскому, образуют авторское ядро «Российского экономического журнала».

⁶ См.: Мау В. Указ. соч.— С. 5, 14.

⁷ См. об этом, в частности: Резников Л., Мелентьев А. К обоснованию леводемократической реформационной альтернативы// Российский экономический журнал. — 2004. — № 1.

ных потребительских благ длительного пользования, на основе научной организации труда и поточно-конвейерного производства. Результатом такой модернизации, как свидетельствует мировой опыт, стало «общество массового потребления», (символом которого, не секрет, оказался личный автомобиль); она открыла путь к превращению неимущих пролетариев в полноценных членов гражданского общества. Благодаря позднеиндустриальной модернизации осуществились, пусть и не в полной мере, идеалы «евросоциализма»: серьезный прогресс на пути к социальной справедливости, обретение трудящимися политических и многих социальных прав. Сложились системы всеобщих социального страхования, льготного или бесплатного здравоохранения и образования («социальная рыночная экономика», «государство всеобщего благосостояния»). Позднеиндустриальная модернизация означала заметный поворот капиталистического производства к удовлетворению потребностей человека. Высокий платежеспособный спрос населения со своей стороны немало содействовал развитию и национального производства упомянутых технически сложных предметов потребления длительного пользования, и современных сферы услуг, науки и образования⁸.

С учетом этих характеристик нельзя не признать, что в нашей стране еще не завершен этап позднеиндустриального развития; хуже того, по ряду направлений — взять те же бесплатные здравоохранение и образование — наблюдается откат от прежде достигнутых рубежей, усиливаемый новейшими либералистскими реформами в социальной сфере⁹. Поэтому в первую очередь России предстоит провести позднейиндустриальную модернизацию, разумеется, одновременно по возможности укрепляя имеющиеся заделы в области новейших высоких технологий. Объективно невозможно приступить к полноценной постиндустриализации (а не к ее уродливым суррогатам), не пройдя позднеиндустриальную стадию развития, которая призвана обеспечить обязательные материальные условия развертывания первой — создать индустрию массового производства предметов потребления и соответствующего оборудования¹⁰. Соответственно преждевремен отказ от институтов, адекватных освоению массового производства конкурентоспособных потребительских благ и развитию необходимого для такого производства машиностроения.

Предостережения против чрезмерного вовлечения в решение этих задач тех или иных госресурсов как порождающего иждивенческие мотивации в деятельности субъектов соответствующих производств (их стремление уклониться от конкурентной борьбы), конечно, небеспочвенны. Однако сложности рациональной дозировки государственного участия, равно как и выбора его наиболее эффективных форм и механизмов, не могут служить оправданием для капитуляции государства. В этом контексте нельзя не напомнить о том, что льготное кредитование, широко, использовавшееся в послевоенной структурной политике Японии, оказалось катализатором концентрации капитала самим бизнесом на приоритетных направлениях развития. А в связи с сомнениями в результативности установления отраслевых приоритетов есть смысл обратиться к европейскому, прежде всего французскому, опыту «больших проектов». Речь идет о поставленной де Голлем

⁸ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Агентство «ИНФОРМАТ», 1994. — С. 33—34.

⁹ См. об этом, в частности: К у л и к о в В., Р о и к В. Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики// Российский экономический журнал. — 2005. — № 1.

¹⁰ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — С. 100—101.

перед предпринимателями страны задаче заново создать или радикально обновить само-летостроение, атомную энергетику, космическую технологию (прежде всего ракетостроение), производство крупных ЭВМ. В отличие от первых послевоенных лет, когда аналогичные задачи решались в основном посредством национализации частных предприятий (так были созданы крупные госкомпании в авиационной, угольной и газовой промышленности, электроэнергетике, на железнодорожном и воздушном транспорте), «большие проекты», особенно мирного назначения (связанные с созданием самолета «Конкорд», ракеты «Ариан», а позднее — сверхскоростных поездов), осуществлялись с широким участием частного капитала — национального и иностранного. Участие правительства в «больших проектах» касалось организационных вопросов и финансового содействия. Вся техническая часть дела — от разработки деталей проектов до производственного исполнения последних — находилась в ведении специалистов и предпринимателей. Правительство только принимало или отклоняло их предложения, учитывая свои финансовые возможности. Чтобы свести к минимуму возможные бюджетные ограничения, велась кропотливая работа по привлечению частных ресурсов, созданию разного рода поощрительных стимулов — от бонификации процента до предоставления государственных гарантий и страхования рисков, особенно на стадии научных и опытных разработок. Можно по-разному оценивать коммерческий успех конкретных «больших проектов», но с технической точки зрения, а также с народнохозяйственных позиций и в плане общеевропейского экономического развития они себя оправдали. Без инициативы государства, организационной и финансовой поддержки с его стороны Франция и Европа в целом до сих пор наверняка не имели бы ни «Конкорда», ни «Аэробуса», ни «Ариана», ни скоростных поездов, ни достигшего технологического уровня США и Японии производства аэрокосмической и электронно-вычислительной техники, средств связи, интегральных схем, и т.д. «Большие проекты» стали полюсами притяжения технического и научного прогресса, к которым были привлечены тысячи фирм. Каждой из них в отдельности было бы не по силам начать и тем более успешно завершить предприятия столь грандиозных масштабов¹².

Невозможно отрицать и тот эмпирический факт, что активное госвмешательство в экономику, включая рассматриваемые «большие проекты», суть не только позднеиндустриальное прошлое, но и постиндустриальное настоящее развитых капиталистических стран Европы; об этом свидетельствует, в частности, новейший континентальный опыт развития партнерства государственного и частного секторов («Private Public Partnership») в энергетике, на железнодорожном транспорте, в сфере социальных услуг и других важнейших с общенациональных позиций сферах¹³. Что касается США, то реализация под эгидой

¹¹ Важно иметь в виду, что «большие проекты» в течение длительного времени «вписывались» в применявшуюся в этой стране систему индикативного макропланирования (см., в частности: Е в г р а - шин А. Из практики французского индикативного планирования//Российский экономический журнал. — 1998. — № 2), существеннейший момент которого состоял именно во взаимоувязке стратегических интересов государства и крупных корпораций (см., например: Д у д к и н В., П е т р о в Ю. Индикативное планирование — механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой// Российский экономический журнал. — 1998. — № 6—7-8).

¹² См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — С. 49.

¹³ Автор обстоятельной журнальной публикации об этом опыте — генеральный директор Райффайзенландесбанка (Австрия) - как будто бы прямо полемизирует с разработчиками упомянутой новой

Федеральной контрактной системы грандиозных государственно-частных проектов, в том числе в военно-технической и космической сферах, — атрибут как ретроспективы, так и сегодняшнего дня перманентно проводимой в «цитадели капитализма» с рузвельтовских времен сильной промышленной политики¹⁴.

Государственное инициирование и поддержка «больших проектов» и возможны, и необходимы не только в позднеиндустриальной, но и в постиндустриальной фазе развития по многим выявленным зарубежными и отечественными учеными причинам, связанным с особенностями обеспечения как современной технико-экономической макродинамики¹⁵, так и конкурентоспособности национальных экономик. Предельно ясно, например, что в условиях органично сопряженной с постиндустриализмом глобализации, обуславливающей резкое обострение мирохозяйственной конкуренции, национальные государства просто вынуждены помогать соответствующим корпорациям «перетягивать» монопольную прибыль у иностранных конкурентов¹⁶.

Постиндустриальную эпоху небезосновательно связывают с умножением человеческих потребностей и их индивидуализацией. При этом немало написано об изменении ценностных ориентации человека¹⁷ — о смене стремления к приобретению материальных благ стремлением к самовыражению, переходе от господства над природой к гармонии с ней, об утверждении взгляда на труд не как на простое средство к жизни, а как на непосредственную сферу реализации и развития индивидуальных способностей (между прочим, вполне в духе марксовских постиндустриалистских прогнозов), и т.п. Однако до сих

правительственной среднесрочной программы социально-экономического развития РФ (до 2008 г.), утверждающими, что «Россия подошла к такому моменту создания новых институтов, когда опыт других стран начинает играть крайне ограниченную роль, так как ни одна страна в мире еще не имеет достаточного опыта функционирования в условиях постиндустриальной экономики». Она предпосылает своей статье следующую преамбулу: «Развертывание радикальных экономических реформ в постсоциалистических странах не избавляет государство от социальной ответственности и не снимает задачу разработки и реализации активной промышленной политики. В пользу этого тезиса свидетельствует опыт стран с развитой рыночной экономикой: здесь в ряде важнейших сфер, затрагивающих общенациональные интересы..., важную роль играет совместное государственное и частное финансирование крупных проектов. Изучение соответствующей практики имеет большое значение для стран с переходной экономикой, заинтересованных в поисках форм оптимального эффективного взаимодействия государства и частного бизнеса ради совершенствования инфраструктуры, устойчивого и долгосрочного социально-экономического развития в целом» (Ш а р и н г е р Л. Новая модель инвестиционного партнерства государства и частного сектора// Российский экономический журнал. — 2004. — № 9-10. — С. 41).

¹⁴ Это с исчерпывающей убедительностью доказано в «новом открытии Америки» — капитальной монографии сотрудников Института США и Канады РАН В.Федоровича, В.Патрона и В.Заварухина «США: Федеральная контрактная система и экономика» (М.: Наука, 2002. — 926 с), развернуто прокомментированной в статье-рецензии В.Куликова, Ю.Прудкого и Б.Петрова «Американская практика госхоззайствования против либерально-рыночной риторики» в № 7 «Российского экономического журнала» за 2003 г.

¹⁵ Многие соответствующие наброски обобщены, в частности, в монографии С.Глазьева «Теория долгосрочного технико-экономического развития» (М.: ВладДар, 1993) и в других публикациях этого автора (см., например: Г л а з ь е в С. Проблемы прогнозирования макроэкономической динамики// Российский экономический журнал. — 2001. — №№ 3—4).

¹⁶ См., например, главу 12 следующей известной книги: К р у г м а н П., О б с т ф е л ь д М. Международная экономика. Теория и практика. — М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997.

¹⁷ См., например: Ф р о м м Э. Иметь или быть? — М., 1990.

пор страны-первооткрыватели постиндустриальной эпохи, в первую очередь США, хотя и озабочены экономией энергии, отнюдь не обнаруживают тенденции к снижению ее потребления. Работы по созданию термоядерной и иных видов энергетики нового поколения разворачиваются на основе не только общегосударственной (применительно к конкретным странам), но и межгосударственной концентрации ресурсов. Уже отсюда следует, что и «индивидуализация» потребностей, и «рост неопределенности», связанные с ускорением технологической динамики, вовсе не исключают, а прямо обуславливают необходимость реализации не просто крупных, но и уникальных по всем количественно-качественным параметрам инвестиционных проектов. Да и тенденции, определившиеся в самом содержании процессов массового удовлетворения индивидуализированных потребностей, позволяют, отвергнув утверждения о снижении роли экономии на масштабах производства, заключить, что технологической основой постиндустриальной экономики, скорее всего, станет сочетание разномасштабных технологий. Как известно, изощренно-неповторимая комплектация автомобилей может обеспечиваться компактными фирмами, но, разумеется, на основе продукции массового производства. Своего рода символом начавшейся постиндустриализации стал персональный компьютер, открывший колоссальные возможности в отношении восстановления индивидуального характера процесса труда, уничтоженного индустриальным капитализмом; однако индивидуальная конфигурация персональных компьютеров создается из производимых в массовом порядке элементов. Этот «классический» пример свидетельствует о том, что развитие информационных технологий создает все больше возможностей для сочетания конвейерного производства с выполнением индивидуальных заказов¹⁸, гибкого комбинирования разномасштабных технологий, как раз и характеризующего специфику постиндустриального производства.

Нельзя не согласиться с тем, что принципиальный фактор конкурентоспособности общества в постиндустриальной фазе развития — его «адаптивность», предполагающая раскрытие «творческой активности всех агентов»; для постиндустриализма действительно существенна свобода творчества индивидов и их включения в информационные потоки¹⁹. Однако необходимое исходное условие здесь — наличие у «всех агентов» творческого потенциала. Но это абсолютно недостижимо без обеспечения высокого качества жизни всех, а не только избранных, граждан («элит»), что и выступает одной из миссий позднеиндустриальной модернизации. Именно накопление «человеческого капитала» стало фактором возникновения феномена успешной конкуренции компактных мобильных фирм, главные ресурсами которых суть «идеи и люди», с корпорациями-гигантами и навязывания последним серьезной перестройки всей сложившейся системы менеджмента в направлениях демократизации и гуманизации²⁰.

Во всякой модернизации ключевым является вопрос о ее движущих силах. В России в позднеиндустриальной модернизации заинтересованы многочисленные социальные группы, охватывающие индустриальных рабочих, инженеров, часть госслужащих и предприни-

¹⁸ Ориентация на индивидуальные запросы, как известно, отличала ремесленную организацию производства. Однако его издержки в отсутствие «экономии на масштабах» резко ограничивали круг потребителей. Творения уникальных мастеров и сегодня, и в обозримой перспективе могут быть общедоступными лишь в качестве музейных экспонатов.

¹⁹ См.: Мау В. Указ. соч.— С. 15.

²⁰ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — С. 92.

мателей, и др., ориентированные на создание в стране некоего подобия «общества массового потребления». Зарубежный опыт свидетельствует о том, что и «у них» субъектами позднеиндустриальной модернизации явились инженеры-предприниматели, технократы, противостоящие собственникам-буржуа («праздному классу»), а также наиболее мобильная и образованная часть рабочего класса²¹. Российские же постсоветские реформы были нацелены как раз на формирование собственников-буржуа, и неудивительны многочисленные попытки поставить во главу угла дальнейшего развития страны не позднеиндустриальную модернизацию, а защиту интересов «праздного класса». Их несовпадение с устремлениями инженеров-предпринимателей и, условно говоря, технократов в государственной власти/естественно, проявляется и в нашей стране, где сформировались два ведущих агента модернизаций: государство, инициировавшее экономическую реформу, и крупный бизнес, сформировавшийся в ее ходе (по мере развития крупных отечественных корпораций роль последних в модернизации страны будет возрастать, ибо они концентрируют ключевые ресурсы общенационального развития: профессиональные кадры, управленческую компетенцию, передовые технологии и финансовые ресурсы).²² Другое дело, что внутренняя неоднородность этих агентов оставляет открытым вопрос о том, какие интересы возобладают.

С учетом вышеизложенного можно утверждать: *подлинная специфика модернизационных задач в России состоит в ликвидации рукотворных проявлений дезиндустриализации²³ и завершении позднеиндустриальной модернизации при одновременном культивировании «очагов» постиндустриального развития.* В качестве своего рода институциональных опор последнего в научной литературе рассматривают «технокультурполисы»²⁴, к которым в нашей стране можно отнести, в частности крупные научно-промышленные городские центры, относящиеся к ВПК закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и центры академической науки.

Несмотря на огромные потери, понесенные ЗАТО²⁵ и академическими центрами в ходе реформ, нельзя пренебрегать остающимся у них потенциалом. Причем ставка на реализа-

²¹ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. — С. 33, 101.

²² См. об этом, например: Дынкин А., Соколов А. Интегрированные бизнес-группы в российской экономике// Вопросы экономики. — 2002. — № 4. — С. 78.

²³ «В конце XX в. ведущие мировые державы ускорили свое социально-экономическое развитие на основе реализации возможностей динамично утверждающегося глобально-информационного технологического уклада. Они сконцентрировали усилия на развертывании информационной экономики, знаменуя тем не просто очередную смену технологических укладов, а приход новой технологической революции. На этом фоне явным диссонансом стала стремительная деградация российской экономики, особенно ее наукоемких секторов, вызванная обвальным сокращением затрат на науку и образование, на системы разработки и внедрения новых технологий, на развитие соответствующих отраслей и производств. Занявший десятилетие 90-х трансформационный процесс не только не сократил отставание России от мировых лидеров технико-экономического развития, но и резко увеличил его... общий беспрецедентный регресс научно-технической сферы и инновационного потенциала несомненен» (Петров Ю., Жукова М., Карапетян А. Становление глобально-информационного технологического уклада в России: сценарии технико-экономического развития и задачи реформирования финансовых институтов// Российский экономический журнал. — 2002. — №2. — С. 61).

²⁴ См.: Escorsa P., Gallarte C. Parques tecnologicos y tecnopolis: La experiencia internacional //Boletin de estudios economicos (Bilbao). — 1986. — № 129.— P. 512—514.

²⁵ См. об этом: Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 9. Городская Россия — проблемное воплощение реформ// Российский экономический журнал. — 2002. — №2 (раздел «Демилитаризация экономики и феномен ЗАТО»).

цию и развитие этого потенциала по алгоритмам, возможно, и продуктивным в условиях вполне сложившейся постиндустриальной среды, имеет все шансы оказаться ущербной при незавершенности позднеиндустриальной модернизации. А вот последняя как раз способна обеспечить предпосылки для восприимчивости экономики к постиндустриальным инновациям, сформировать благоприятный для них инвестиционный климат.

С этих позиций следует отрицательно оценить намечаемые меры по сокращению сферы НИОКР и ее ориентацию на децентрализованное выживание²⁶. Перспективным же представляется вовлечение потенциала постиндустриального развития в решение задач позднеиндустриальной модернизации, причем одной из институциональных форм подобного вовлечения способны стать все те же «большие проекты» (не следует забывать, что именно им обязаны своим рождением многие нынешние «очаги» постиндустриализации). Критика такого рода государственных инициатив обычно фокусирует внимание на несовпадении непосредственных итогов этих инициатив и ожидавшихся результатов. Однако даже неудачные проекты могут сопровождаться спектром побочных результатов, включая развитие технологической базы НИОКР и наращивание «человеческого капитала».

С точки зрения такого наращивания, казалось бы, следует только приветствовать провозглашаемое в правительственных документах выделение образования и здравоохранения в качестве приоритетных сфер²⁷. Однако это, к глубокому сожалению, остается декларацией, ибо не дополняется планированием концентрации на соответствующих направлениях должных госресурсов²⁸. Между тем даже сторонники «догоняющей постиндустриализации», исходящие из идеологии о «невозможности и неэффективности» государственной политики «концентрации сил и средств на приоритетных направлениях», делают для рассматриваемых двух сфер исключение²⁹.

²⁶ Содержащая соответствующие деструктивные установки «Концепция участия РФ в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки» подвергается жесткой критике не только в левых, но и в либеральных изданиях. См., например: С м и р н о в К. Вчера — Лысенко, сегодня — Фурсенко. Новые реформы в сфере науки могут привести к ее уничтожению//Новая газета. — 2004. — № 79.

²⁷ Их развитие фигурирует в новой среднесрочной программе в качестве первых двух из восьми заявленных «приоритетных направлений социально-экономической политики», опережая даже борьбу с бедностью, реформирование госслужбы, развитие инновационной сферы, и др.

²⁸ Так, применительно к сфере образования вопрос о его достойном госфинансировании в среднесрочной программе либо обходится, либо «решается» в плоскости «обрезания» самого образовательного процесса и его коммерциализации (для чего надлежит повышать его «инвестиционную привлекательность»). Что касается недавно утвержденного федеральным правительством программного документа, подготовленного Министерством образования и науки РФ, то в нем обнаруживается еще и следующее: при остро недостаточном бюджете образования государственная финансовая ответственность в основном сбрасывается «федеральным центром» на субфедеральный уровень, хотя бюджеты десятков регионов остродефицитны [см.: Авдеева Л., Батчиков С. Роковые гены (о правительственных «Приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации»)//Российский экономический журнал. — 2005. — № 1. — С. 71—72.].

²⁹ «Способность государства сконцентрировать ресурсы на развитии образования и здравоохранения выступает одним из важнейших факторов ускорения социально-экономического развития в постиндустриальную эпоху. Причем государственное участие в этом деле играет немалую роль, поскольку в относительно отсталой стране возможности частных инвестиций в образование остаются довольно ограниченными» (Мау В. Указ. соч. — С. 19).

В связи с затронутым сюжетом об образовании хотелось бы отметить: активизация потенциала «технокультурополисов» не только отвечает решению образовательных задач, но и обеспечивает спрос на самых квалифицированных и одаренных специалистов. Пренебрежение ролью «больших проектов» оборачивается тем, что отечественные инвестиции в образовательную сферу кадрово подпитывают такого рода проекты за рубежом. Можно, наверное, гордиться и столь специфическим, мягко говоря, участием в мировом постиндустриальном развитии, однако явно не стоит им довольствоваться.

Пропаганда императивности «догоняющей постиндустриализации», очевидно, призвана сыграть роль некоего обновления и усиления аргументации в пользу критикуемого сторонниками нелибералистской реформационной альтернативы³⁰ нынешнего курса на неуклонное последовательное снижение налоговой нагрузки на экономику: «...Для решения задач догоняющей постиндустриализации бюджетная нагрузка должна быть, по видимому, ниже, чем у стран-пионеров. В этом состоит существенное отличие от догоняющей индустриализации, для которой характерна более высокая концентрация ресурсов в бюджете именно догоняющих стран. Более низкая бюджетная нагрузка корреспондирует с высокой технологической и экономической неопределенностью: относительно большие ресурсы должны оставаться в руках частных субъектов экономической жизни»³¹. Как ни относиться к этому тезису (а с учетом вышеизложенного он вовсе не выглядит неуязвимым), ясно, что уточнение действительного характера (действительной исторической фазы) осуществляемой в Россию модернизации может способствовать уточнению подхода к оптимизации нагрузки, о которой идет речь, а значит, и повышению эффективности бюджетной политики в целом.

Сегодня уже, собственно, предельно понятна суть «прорыва России в постиндустриальный мир» без преодоления последствий спровоцированной в конце XX—начале XXI в. дезиндустриализации и вне решения задач позднеиндустриальной модернизации. Это — гарантированное и на самом высоком уровне удовлетворение многообразных потребностей «элитных» слоев общества при катастрофическом «росте неопределенности» для всех других его слоев. Такая «постиндустриальная модернизация» вполне состоялась, но было бы пагубным заблуждением считать, что без ее ревизии удастся избежать не просто консервации, но и необратимого усугубления отставания нашей страны в экономическом развитии. Хотя бы потому, что, как справедливо полагают сами либеральные «постиндустриалисты», обстоятельство, «которое должна обеспечивать власть и которое является важным при любом типе догоняющего развития, состоит в поддержании консенсуса (единства взглядов) по базовым принципам и ориентирам развития между основными группами и слоями...»³² Утверждать, что «консенсус» при нынешнем социально-экономическом курсе имеется или хотя бы просматривается в обозримой перспективе (если, конечно, под «основными группами и слоями» не подразумеваются всего лишь пресловутые «элиты»), — значит продолжать определяющуюся в постсоветский период опасную тенденцию игнорирования социально-экономических реальностей.

³⁰ См., в частности: Резников Л., Мелентьев А. Указ. соч. — С. 23.

³¹ Мау В. Указ. соч. — С. 16—17.

³² Мау В. Указ. соч. — С. 15.